

О. М. Кудрякова

Методы исследования русских усадеб как объектов наследия: XIX–XX вв.

Исследование посвящено теоретическому осмыслению методов фиксации сохранности наследия русских усадеб в XX в. и их значения для современного усадебоведения. В круг рассматриваемых аспектов включены: закономерность развития моделей описания, влияние на этот процесс сменяемых теоретико-методологических основ усадебоведения, а также государственной системы охраны историко-культурного наследия и деятельности общественных и научных сообществ.

Ключевые слова: фиксация сохранности, наследие, русская усадьба, усадебоведение

Olga M. Kudriakova

The research methods of Russian estates as heritage objects: XIX–XX centuries

The research is devoted to the theoretical understanding of the Russian estates fixing methods in the 20th century. Also, the article deals with their significance for modern Russian estates studies. The pattern of development of description models and the influence of the changing theoretical and methodological foundations of the Russian estate studies are included in the range of. Also, a protection of heritage State system, as a public and scientific communities activities are included.

Keywords: fixing the preservation, Russian estate, heritage, estates studies

DOI 10.30725/2619-0303-2022-3-63-68

Актуальность обращения к проблеме фиксации сохранности наследия русских усадеб объясняется ростом общественного и профессионального интереса к культурному наследию на фоне исчезновения материальных памятников усадебной архитектуры. Она обусловлена поиском точки консолидации усилий сообществ, связанные профессиональными задачами в области охраны наследия, а также интересами развития определенной территории. Статья основана на результатах исследований XX в., рассматривающих русскую усадьбу в качестве объекта историко-культурного наследия, а также на исследование А. А. Гудкова [1], определяющее их методологическую идентификацию. Пособия и труды М. А. Поляковой [2] являются методической основой для анализа сохранения наследия в рамках общей государственной охранной политики.

В настоящей статье рассматриваются только письменные опубликованные источники научного и нормативного характера. Неопубликованные и опубликованные мемуарные, эпистолярные, архивные и иконографические источники остаются за рамками данного исследования. Целью исследования является анализ развития системы фиксации сохранности усадеб в XIX–XX вв. в контексте государственной системы

охраны историко-культурного наследия и деятельности общественных и научных сообществ, а также изменения теоретико-методологической модели усадебоведения.

На протяжении нескольких столетий, начиная с XVIII в., инициативы именно государства выступали доминантой в области сохранения наследия, его учета, регулирования вывоза ценностей культуры, а также в области установления права собственности на памятник культуры. Целенаправленное сохранение наследия в России началось в XVIII в. в период правления Петра I. До этого времени процесс охраны древностей аккумулировался в центрах православной культуры – монастырях и укрепленных административных центрах. Территориальное расширение государства, осмысление истории страны, а также активное коллекционирование ценностей обуславливало издание императорских указов, обязывающих вести учет древностей.

Усадебное строительство в столицах и провинциях в XVIII в. только набирало обороты, поэтому фиксации усадеб не велось. Однако можно предположить, что уже в процессе генерального межевания частновладельческих и казенных земель в 1756 г. производились базовые описания усадебных территорий. Например, межевой инженер

и старший преподаватель Константиновского Межевого Института И. Е. Герман в своем труде «История русского межевания» [3, с. 247–255] описывает процесс специального межевания дач. К моменту написания труда слово «дача» могло употребляться в значении «усадебный дом, владение». Кроме того, при топографических описаниях губерний, как пишет М. А. Полякова [2], типографами был разработан вопросник о «достопамятностях» регионов, который должен был отражать даты строительства, количественные характеристики и историческую ценность. Последнее, вероятно, было наиболее затруднительным для местного уездного руководства, так как в XVIII в. в России еще не были оформлены определения «памятник», «древность» и т. д. Такие вопросники заложили основу для универсальной формы фиксации наследия – анкеты.

В XIX в. продолжалось усиление государственного надзора над памятниками культуры. В 1826 г. вышел циркуляр «О доставлении сведений об остатках древних зданий и воспрещении разрушать оные», который, по мнению М. А. Поляковой [2, с. 28], стал полноценной программой по выявлению и фиксации сохранности памятников. В губерниях поручение сопровождалось вопросником, но уже в расширенном виде: добавились сведения о причинах перестройки или разрушения памятника, о коллекциях, находящихся на территории, о типе использования памятника, а также о том, какими действиями можно сохранить состояние памятника. Результатом этого стали обширные описания древних русских зданий и других памятников архитектуры в собрании «Материалы для статистики Российской империи» [4, с. 85–135]. Основным интересом для фиксации представляли крепостные сооружения, церкви и монастыри. Описания усадеб в источнике выявлено не было. К тому моменту усадебное наследие еще не представляло собой зрелую архитектурную традицию.

Следующим этапом фиксации сохранности историко-культурного наследия стал проект закона об охране памятников А. С. Уварова в 1869 г., доработанный в 1877 г. В проекте аккумулировались интеллектуальные силы авторитетных представителей научных и общественных организаций, однако он так и не был реализован. «Приведение в известность всех доселе существующих еще памятников» [2, с. 31] должно было стать ключевым направлением охранных мероприятий, а

Императорская комиссия о сохранении исторических памятников – центральным звеном выстраиваемой системы. Этот документ примечателен еще и тем, что в нем уже используется определение «памятник», а также раскрывается классификация памятников, актуальная и сейчас. Согласно этой классификации, усадебные объекты относились к группе памятников архитектуры.

В 1908 г. произошло дополнение «Строительного устава», принятого в 1832 г.: появились более четкие предписания для действий местных властей во избежание разрушения памятников древности. В этом документе было уточнено и определение «памятника» – сооружение, построенное не менее 150 лет назад [5, с. 199]. Можно предположить, что усадебные объекты не позже 1750-х гг. постройки могли быть включены в перечень охранных объектов.

В процессе развития архитектуры и истории искусств рамки понятия «памятник» расширялись. Не только объекты XVIII в., но и объекты XIX в. стали предметом внимания архитектурно-художественных обществ. Архитекторы и реставраторы в своей работе уже употребляли более современное понятие «памятник зодчества», нежели «памятник древности», закрепленное в «Строительном уставе». Усилиями искусствоведа барона Н. Н. Врангеля и краеведа Ю. И. Шамурина в понятие «памятник зодчества» были включены усадебные объекты.

Научное исследование наследия в целом развивалось избирательно. В фокусе внимания ученых находились наиболее древние памятники, а фиксация усадебного наследия вплоть до конца XIX в. являлась на страницах изданий, которые были инициированы владельцами усадеб. Вместе с тем начался процесс приспособления усадебных комплексов под наиболее выгодные доходные дома и т. д. На страницах журналов «Столица и усадьба» (1913–1917 гг.), «Старые годы» (1907–1916 гг.) исследователи активно высказывались насчет усадебного вандализма. Причинами утрат усадебного наследия являлись закат дворянской культуры, обеднение и упадок родовых имений, отсутствие эффективного охранных законодательства вплоть до 1917 г.

В условиях отсутствия налаженной централизованной системы охраны частично эту роль на себя взяла историки, искусствоведы, бывшие владельцы усадеб и любители старины. Например, первую анкету для целенаправленного сбора информации о

состоянии усадеб разработал художник и историк П. С. Шереметев в 1905 г. [6]. Эта анкета стала основой для дальнейшей фиксации памятников. В ней содержалась информация обо всех владельцах усадьбы, состоянии дома на момент его выявления, строительных материалах, использованных в усадьбе. Из описания по анкете П. С. Шереметева можно было узнать, сохраняются ли внутри усадьбы предметы старины или коллекции. Полная анкета содержала библиографию упоминаний усадьбы в мемуарах и других источниках, а также фиксацию нематериальной составляющей усадебной жизни. Значительное внимание в анкете уделялось описанию церкви на территории усадьбы или не территории близлежащих деревень. Фиксировалась ее архитектура и наличие внутри фамильных ценностей, церковной утвари. В завершении были вопросы о том, поддерживаются ли сейчас сад и водные объекты усадьбы и ведется ли на территории хозяйственная деятельность. Обращение в анкете ко всем желающим содействовать сбору информации об усадьбах говорит о высоком уровне развития общественной инициативы начала XX в.

Состояние усадеб в начале XX в. фиксировали авторы журналов «Столица и усадьба» и «Старые годы». За 10 лет работы журнала «Старые годы» были опубликованы сведения более чем о 130 усадьбах. Модель описания сохранности усадеб сильно зависела от автора, но доминировал искусствоведческий компонент, что было обусловлено направленностью издания. Например, историк искусства и архитектуры И. Э. Грабарь [7, с. 5–37] фиксировал состояние архитектурного ансамбля усадеб, рассматривая его как предмет изучения истории отечественной архитектуры. В журнале сложилась традиция описания сохранности усадеб: авторы описывали состояние экстерьера, фасада сооружений, а потом – интерьера и размещенных в усадьбе коллекций. Статьи искусствоведа и исследователя усадебной культуры Н. Н. Врангеля [8, с. 7] сообщают большую озабоченность автора о плачевном состоянии усадеб из-за вандализма. Его статьи затрагивают вопросы зарождения, расцвета и упадка усадеб. Автор связывает эти процессы с деятельностью владельцев усадеб. У Н. Н. Врангеля сформировалась определенная модель описания усадеб: сначала сообщалось о том, как имение попало в руки первых владельцев, затем шел рассказ

о первых постройках, а затем – об упадке, обеднении рода и запустении имений.

Отчасти структура изложения материала в журнале «Столица и усадьба» была заимствована из журнала «Старые годы». В статьях последнего выделяется последовательность: сведения о владельцах, их воспоминания о жизни в усадьбе, информация о продаже имения. В журнале «Столица и усадьба» включалось указание на местонахождение усадьбы, сведения о последних владельцах и основателях усадьбы, о переходе усадьбы от одних собственников к другим. Далее давалось описание внешнего и внутреннего вида основного усадебного дома, построек на территории усадьбы, парка. Постоянные рубрики журнала «Столица и усадьба» являлись как бы зачатками анкетной системы. Влиятельным автором журнала был историк архитектуры Г. К. Лукомский [9]. Он говорил о значимости наблюдения за состоянием усадеб, поэтому его описания снабжены внушительным количеством фотографий, которые лучше текстов задокументировали состояние усадеб в начале XX в. и стали бесценным изобразительным источником для их последующего изучения.

Ярким и последовательным образцом фиксации подмосковных усадеб является труд историка и искусствоведа Ю. В. Шамурина [10], который отличается пристальным вниманием к истории всех владельцев усадьбы, их повседневной жизни. Он исследует архитектурный облик усадьбы, детали его создания, использования, а также утраты наследия. В труде рассмотрены небольшие усадьбы Подмосковья и соседних областей, многие из которых сейчас находятся уже в руинированном состоянии.

Еще одним форматом фиксации усадебного наследия являются справочники и путеводители. Часто они включали описание усадеб как мест увеселения, благодаря чему об усадьбах узнавала общественность, заинтересованная побывать в новых местах. Например, в «Полном путеводителе по дачным окрестностям Москвы» [11] описание ведется по географическому признаку. Дорожное сообщение было важным фактором развития усадебного и дачного отдыха, поэтому в путеводителе описывается наличие железной дороги, грунтовой дороги, конной или паровой тяги.

В дореволюционный период особой значимостью для сохранения наследия обладали научные, научно-практические и ар-

хеологические общества. Важную роль играли Московское археологическое общество и Императорское русское археологическое общество в Петербурге. В их компетенциях было разрешение на перестройку и ремонт культовых памятников, построенных до 1725 г. Опыт работы обществ продолжился и после революции 1917 г.: в 1922 г. было открыто Общество изучения русской усадьбы.

Первое послереволюционное десятилетие для усадебного наследия было, в первую очередь, связано с ликвидацией частной собственности и национализацией имений. Так как национализации подверглись и усадебные коллекции, большее количество предметов музейного значения аккумулировалось в Государственном музейном фонде. Госфонд представлял собой государственную систему контроля над национальным музейным достоянием. В 1917 г. новая власть приняла важный для усадебного наследия документ – Декрет о земле, по которому все усадебные земли «со всем живым и мертвым инвентарем, со всеми постройками и принадлежностями» [12, с. 17] передавались местному самоуправлению. Национализация должна была проходить с детальной описью имущества усадеб, с оценкой архитектурно-художественной, историко-культурной ценности имений, однако за неимением грамотных кадров должной фиксации не происходило. Ценности массово вывозили за рубеж, а комплексы, не признанные выдающимися памятниками архитектуры, приходили в запустение. Однако, несмотря на трудности работы в условиях Гражданской войны и экономической разрухи, сотрудники Музейного отдела Наркомпроса смогли спасти от вандализма значительное количество крупных усадеб.

Творческая интеллигенция активно поддерживала новую власть в вопросе охраны ценностей культуры. На этой почве возникли многочисленные комитеты и общества. Знаковым событием стало открытие в 1922 г. Общества изучения русской усадьбы (далее ОИРУ). Ученые ОИРУ под руководством В. В. Згуры совершили качественный скачок в изучении усадебного наследия, в том числе в вопросе документирования сохранности. Силами ОИРУ составлялись иконографические архивы, указатели источников, библиографические указатели. Автором первого в 1927 г. стал библиограф и генеалог И. М. Картавцов [13]. Актуальной задачей ОИРУ стала регистрация усадеб. Для фиксации сохран-

ности архитектурных комплексов и ценностей из коллекций ОИРУ использовало переработанную анкету П. С. Шереметева [14, с. 46]. Ключевое внимание уделялось архитектурному аспекту, а генеалогия владельцев, свидетельства повседневной жизни были обречены на исчезновение.

Бесценным материалом в вопросе фиксации сохранности усадеб является труд историка искусства и усадебоведа А. Н. Греча «Венок усадьбам» [15]. Автор детально описывает предметы и детали усадебного убранства, классифицирует по стилям, эпохам изготовления и т. д. В отличие от тенденции вычеркивания истории дворянства из общей исторической картины, А. Н. Греч зафиксировал все многообразие усадебных судеб, в том числе и их забвение [15, с. 10]. В истории усадебоведения не было более насыщенного и плодотворного периода, чем 1920-е гг. Описание и фиксация наследия этого периода составила источниковедческий базис для последующих исследователей.

Еще одним инструментом в области охраны усадебного наследия стал декрет ВЦИК и СНК 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». Усадьбы и парки определялись в декрете как памятники, которые следует использовать только в научных и музейных целях. Во многих крупных комплексах к тому времени были уже созданы историко-бытовые, мемориальные, тематические и даже хозяйственно-экономические экспозиции. Но из-за неустойчивого статуса музеев-усадеб и их перевода на разные типы бюджетов вскоре многие музеефицированные комплексы оказались в трудном финансовом положении. Это привело к тому, что музеи были вынуждены сдавать свои помещения в аренду, откуда и появилось массовое приспособление усадеб под нужды арендаторов. Из-за перестроек менялся их первоначальный архитектурно-художественный образ, а фиксация, которая производилась после 1920-х гг., могла уже быть некорректной. Постоянная переоценка памятников приводила к тому, что уже ранее поставленные на государственный учет усадьбы снимались с него. Большинство малых и средних музеев-усадеб было закрыто к концу 1920-х гг. Центральные государственные реставрационные мастерские определяли категории ценностей памятников. Среди категорий были «уники» и несколько степеней охраны в зависимости от времени постройки, материала и т. д.

Методы исследования русских усадеб как объектов наследия: XIX–XX вв.

Как отмечает М. А. Полякова [2, с. 61], среди усадеб были уникалы, но большинство усадеб, построенных в XVIII–XIX вв., не относилось ни к одной из ценностных категорий.

Неблагоприятная ситуация для усадебного наследия продолжалась на протяжении всего десятилетия 1930-х гг. Согласимся с мнением М. А. Поляковой [2, с. 68], что 1930-е гг. стали самыми мрачными в истории сохранения наследия. Именно на это время пришлось большее количество разрушений и вандализма, так или иначе связанного с нежеланием новой власти ассоциировать себя с прошлым строем.

Так как в военное и послевоенное время отечественное усадебоведение находилось в стагнации, фиксация и учет производился, в первую очередь, для будущего восстановления. Выдающиеся усадьбы стали восстанавливаться сразу же после окончания боевых действий. Этому способствовало принятие документов, формирующих дальнейшую политику охраны и восстановления наследия: постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры» и положение «О памятниках культуры» 1948 г. В документах была произведена классификация историко-культурных памятников. Усадьбы вновь попали в раздел памятников архитектуры. Немногочисленные усадебоведческие исследования носили ярко выраженный идеологический характер, а также являлись вторичными по отношению к исследованиям 1920-х гг.

Принятые меры не решили проблем использования усадеб в хозяйственно-экономических нуждах. Масштабные послевоенные перепланировки крупных городов наносили ущерб исторической застройке центров. Стройка проходила, как отмечает М. А. Полякова, по «живой ткани» города [2, с. 94]. Даже появление статьи Уголовного кодекса, касающейся наказания за «умышленное уничтожение, разрушение или порчу памятников культуры либо природных объектов, взятых под охрану государства...» [16, с. 143], не стало регулятором противоречивой политики в области охраны наследия. Ситуация изменилась только в последующие 1960–1980-е гг. в период так называемого «музейного бума», когда фиксируется пик музейфикации усадеб.

Важным событием в системе государственной охраны наследия стало принятие закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в 1978 г. В документе было закреплено понятие «памят-

ник истории и культуры», а охрана и учет памятников определены приоритетными задачами государства.

В 1980-е гг. в отечественном усадебоведении также происходили существенные изменения. Доминирование методологии исторического материализма ослабело, и на смену ему пришел культурологический подход. Авторы все чаще возвращались к дореволюционным идеям изучения усадеб в неразрывной связи с жизнью владельцев. Несмотря на новые исследовательские возможности, изучение, как и прежде, продолжало носить характер вторичного источника. С возрождением в 1992 г. Общества изучения русской усадьбы возобновилась фиксация наследия в том виде и с той источниковедческой ценностью, которой она обладала в 1920-е гг.

Член правления ОИРУ, историк А. И. Фролов [17] работал над вопросом учета усадебного наследия, предлагал составить единый каталог усадеб Подмосковья. За основу А. И. Фролов взял анкету П. С. Шереметева, доработанную ОИРУ. Главным отличием от предыдущего варианта анкеты стала фиксация административного и географического подчинения территории усадьбы, список владельцев, перечисление объектов, коллекций усадьбы и их сохранность, наличие или отсутствие усадьбы в списке охраняемых объектов. А. И. Фролов пишет о том, что полевое или натурное исследование усадеб с заполнением карточек каталогизации, а также проведение научных конференций по проблемам наследия представляет в наши дни наибольшую ценность для сохранения усадебного наследия. Согласимся с автором, так как попытки консолидировать усилия не только научного сообщества, но и представителей общественных движений, волонтерских организаций получают больший общественный резонанс.

В 1990-е гг. основную роль в фиксации и учете взяли на себя государственные органы власти: министерство и региональные комитеты, ответственные за сохранение наследия. Усадьбы вошли в перечни выявленных и поставленных на учет объектов культурного наследия. Особую ценность для усадебоведов представляют историко-культурные экспертизы, выполненные в рамках деятельности профильных комитетов. С частью работ экспертов можно ознакомиться на официальных сайтах органов власти, контролирующих охрану культурного наследия. Рассмотрение и анализ исследовательской

традиции усадебоведения, подходов и принципов фиксации позволяют сделать вывод, что наиболее эффективной формой фиксации сохранности усадебного наследия в XIX–XX вв. была анкета. Она стала инструментом источниковедческого направления усадебоведения. Модель фиксации сохранности усадеб трансформировалась в течение XX в.: от губернского вопросника XIX в. – к анкете, каталогам и экспертизам конца XX в. Наряду с усадебными картотеками и библиографическими указателями работ, анкета, как модель фиксации усадеб, обеспечила своевременное исследование и документирование первичного материала в 1920-е гг. Исследования этого периода заложили источниковедческие и методологические основания для дальнейшего развития усадебоведения как научного направления и музеефикационной практики.

Список литературы

1. Гудков А. А. Отечественное усадебоведение XX века: опыт историографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Москва, 2006. 213 с.
2. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. Москва: Дрофа, 2005. 271 с.
3. Герман И. Е. История русского межевания: (курс). 2-е изд. Москва: типо-лит. В. Рихтер, 1910. VIII, 302 с.
4. Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел: в 3 т. Санкт-Петербург: тип. М-ва внутр. дел, 1839. Т. 1. 668 с. разд. паг.
5. Охрана культурного наследия России XVIII–XX вв.: хрестоматия. Москва, 2000. Т. 1. 528 с.
6. Русские усадьбы // Летопись Историко-родословного общества в Москве, 1905. Вып. 3. С. 10–11.
7. Грабарь И. Е. Останкинский дворец // Старые годы. 1910. № 5, май. С. 5–37.
8. Врангель Н. Н. Помещица Россия // Старые годы. 1910. № 7/9, июль-сент. С. 5–79: ил.
9. Лукомский Г. К. Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Петроград, 1916. 598 с.
10. Шамурин Ю. И. Подмосковные. Москва: т-во «Образование», 1912. 220 с. (Культурные сокровища России; вып. 3).
11. Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Москва: Д. Дмитриев и К°, 1894. 32 с.
12. Секреты Советской власти. Москва: Госполитиздат, 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. XII, 626 с., 1 л. портр.: факс.
13. Усадьбы Московской губернии: (опыт библиогр. указ.) / сост. И. М. Картавцов. Москва, 1927. 45 с.

14. От Общества изучения русской усадьбы // Среди коллекционеров. 1924. № 9/12. С. 46.

15. Греч А. Н. Венок усадебам. Москва: АСТ-Пресс, 2010. 333, [1] с.

16. Охрана памятников истории и культуры: сб. док. Москва: Совет. Россия, 1973. 190 с.

19. Фролов А. И. Проблемы составления каталога «Подмосковные усадьбы»: Цели. Структура. Результаты работы // Остафьевский сборник. Москва, 1995. Вып. 4. С. 58–64.

References

1. Gudkov A. A. Domestic estate studies of the XX century: experience of historiography: dis. on competition of sci. degree PhD in history: 07.00.09. Moscow, 2006. 213 (in Russ.).
2. Polyakova M. A. Protection of the cultural heritage of Russia: textbook. Moscow: Drofa, 2005. 271 (in Russ.).
3. German I. E. History of Russian land surveying: (course). 2nd ed. Moscow, 1910. VIII, 302 (in Russ.).
4. Materials for the statistics of the Russian Empire, published with the highest permission at the Statistical Department of the Council of the Ministry of Internal Affairs: in 3 vols. Saint-Petersburg, 1839. 1, 668 (in Russ.).
5. Protection of the cultural heritage of Russia in the 17th–20th centuries: an anthology. Moscow, 2000. 1, 528 (in Russ.).
6. Russian estates. Chronicle of the Historical and Genealogical Society in Moscow. 1905. 3, 10–11 (in Russ.).
7. Grabar' I. E. Ostanokino Palace. Old years. 1910. 5, may, 5–37 (in Russ.).
8. Wrangel N. N. Landowner Russia. Old years. 1910. 7/9, July-Sept., 5–79: ill. (in Russ.).
9. Lukomsky G. K. Monuments of ancient architecture in Russia in the types of artistic construction. Petrograd, 1916. 598 (in Russ.).
10. Shamurin Yu. I. Podmoskovnye. Moscow, 1912. 220. (Cultural Treasures of Russia; 3) (in Russ.).
11. A complete guide to all suburban areas of Moscow. Moscow: D. Dmitriev i K°, 1894. 32 (in Russ.).
12. Decrees of the Soviet power. Moscow: Gospolitizdat, 1957. 1: October 25, 1917 – March 16, 1918. XII, 626 (in Russ.).
13. Kartavtsov I. M. (comp.). Estates of the Moscow province. Experience of the bibliographic index. Moscow, 1927. 45 (in Russ.).
14. From the Society for the Study of the Russian Estate. Among collectors. 1924. 9/12, 46 (in Russ.).
15. Grech A. N. Wreath for estates. Moscow: AST-Press, 2010. 333, [1] (in Russ.).
16. Protection of historical and cultural monuments: coll. doc. Moscow: Sovet. Rossiya, 1973. 190 (in Russ.).
17. Frolov A. I. Problems of compiling the catalog «Moscow Estates»: Purposes. Structure. Results of the work. Ostafievsky collection. Moscow, 1995. 4, 58–64 (in Russ.).